

Трансформация расселения и проблемы ее адекватного учета в стратегии пространственного развития

Ольга В. Кузнецова¹

¹ Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление», Российская академия наук, Москва, 119333, Россия

Получено 31 January 2019 ♦ Принято в печать 24 February 2019 ♦ Опубликовано 12 April 2019

Цитирование: Kuznetsova OV (2019) Settlement transformation and the problems of its adequate consideration in the spatial development strategy. Population and Economics 3(1): 53–62. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34777>

Аннотация

В статье анализируется развернувшаяся в ходе обсуждения проекта Стратегии пространственного развития России дискуссия, связанная с вопросами трансформации системы расселения в стране. Обобщаются результаты социологических опросов, научных исследований, доказывающих преимущества крупнейших городских агломераций как точек экономического роста и мест проживания населения. Показывается неизбежность трансформации системы расселения вслед за происходящими в экономике и обществе изменениями. Обосновываются предложения по совершенствованию системы статистического учета (повышение прозрачности территориальной структуры расходов федерального и региональных бюджетов, формирование статистического учета в разрезе городских агломераций) и федеральной пространственной политики.

Ключевые слова

стратегия пространственного развития; система расселения; города-миллионники; городские агломерации.

Коды JEL: R23, R50, O15

Введение

В последние годы в России идет становление системы стратегического планирования, одним из важнейших документов которого должна быть стратегия пространственного развития (СПР) страны. По определению, данному в федеральном законе «О стратегическом планировании в РФ» [Федеральный закон..., 2014], СПР должна не только определять приоритеты, цели и задачи регионального развития России, но и быть направленной

на поддержание устойчивости системы расселения на территории страны. К сожалению, подготовка и обсуждение проекта СПР показали, что на сегодняшний день в экспертном сообществе нет консенсуса по поводу того, какой должна быть современная федеральная политика пространственного развития, связанная с возможными трансформациями системы расселения. Примером остроты дискуссий является, например, диспут Ассоциации независимых центров экономического анализа, прошедший в октябре 2018 г. в стенах экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Список проведенных заседаний...]. Формальным доказательством противоречивости взглядов на перспективы пространственного развития России является собственно судьба СПР. По первоначальной редакции названного федерального закона СПР должна была быть утверждена до 1 января 2017 г., по действующей редакции — до 1 января 2019 г. В итоге СПР была утверждена только в середине февраля 2019 г. [Распоряжение..., 2019], при этом в ходе доработки текста СПР состав территорий — претендентов на федеральную поддержку был максимально расширен (т.е. приоритеты такой поддержки стали менее четкими).

Как нам представляется, возникновение ситуации подобного рода обусловлено рядом причин, среди которых есть и вполне объективные:

- явный дефицит статистической информации, позволяющей делать корректные оценки сложившейся ситуации как непосредственно в происходящих в системе расселения процессах, так и в федеральном регулировании регионального развития;
- неоднозначность и противоречивость собственно процессов трансформации системы расселения.

Далее в статье анализируются именно эти объективные причины.

Проблемы статистической основы

В ходе обсуждения СПР наибольшей критике подвергалась идея повышенного внимания в федеральной политике пространственного развития к крупнейшим городским агломерациям. Логика этой идеи, которая по крайней мере отчасти заложена в проекте СПР, состоит в том, что государство поддержит в первую очередь уже сложившиеся точки роста, получая тем самым максимальную отдачу от вложенных средств, тогда как сокращение территориальных диспропорций будет обеспечиваться преимущественно в рамках социальной политики (на которую выделяют больше средств за счет полученной от них отдачи) и в разрезе макрорегионов за счет создания точек роста по всей территории страны, сдерживания отток населения в столичный регион (подробнее этот вопрос раскрыт в статье «Проблемы выбора приоритетов пространственного развития» [Кузнецова, 2019]).

Аргументы против крупнейших городских агломераций как приоритета федеральной пространственной политики высказывались разные, один из них – недопустимость деградации остальных типов территорий. С этим сложно не согласиться, и СПР предполагает создание условий для социально-экономического развития не только в ведущих экономических центрах: целью пространственного развития называется обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны. На наш взгляд, ключевая проблема состоит в том, что дискуссию о приоритетах пространственного развития невозможно вести только на качественном уровне, нужны вполне конкретные оценки и решения в отношении расходования средств федерального бюджета. Независимо от того, какие типы территорий выбираются в качестве приоритетных (или приоритеты не выбираются вообще, предполагается равномерное распределение средств по всей территории страны), важно понимать, как это повлияет на уже сложившееся распреде-

ление средств бюджетной системы. Например, если крупнейшие городские агломерации станут приоритетами, то насколько больше бюджетных средств будет в них направляться (и соответственно меньше в другие типы территорий)? Где сейчас концентрируются бюджетные средства и как планируется перераспределить их по территории страны?

К сожалению, на эти вопросы нет ответов, поскольку в России до сих пор не сложилась практика оценки распределения всего объема средств федерального бюджета даже по субъектам РФ, не говоря уже о муниципальных образованиях (рассматривается, конечно, открытая часть бюджета). Подчеркнем, что речь идет именно обо всех расходах федерального бюджета, а не только о межбюджетных трансфертах (информация по которым является общедоступной). Данные по большей части федеральных расходов или так называемых прямых расходов – средств, поступающих из федерального бюджета бюджетополучателям в регионах, минуя региональные бюджеты, в сводном виде не публикуются и не обсуждаются. На уровне экспертов эта проблема обсуждается уже по меньшей мере два десятка лет [Федеральный бюджет и регионы..., 1999], однако в силу политической сложности вопроса федеральные власти не решаются на повышение прозрачности пространственной структуры расходов федерального бюджета, попытки оценок сложившейся ситуации продолжаются только на экспертном уровне, что требует решения непростой задачи сбора разрозненных данных [Климанов и др., 2018]. Наряду с отсутствием информации по прямым расходам федерального бюджета в регионах можно отметить отсутствие аналогичной информации по прямым расходам региональных бюджетов в разрезе муниципальных образований, по расходам государственных компаний и корпораций.

Другой не менее значимый пробел в статистическом обеспечении принятия управленческих решений в части системы расселения — отсутствие в официальной российской статистике данных по важнейшим территориальным единицам — городским агломерациям. Статистика Росстата публикуется только по официальным территориальным единицам — муниципальным образованиям [База данных...] или же по численности населения, агрегированной по типам населенных пунктов, но тоже в их официальных границах [Регионы России..., 2018]¹. О том, что нужна статистика по городским агломерациям, в России говорят еще дольше — уже почти полвека [Ткаченко, Фомкина, 2014], но ситуация также пока не меняется.

Конечно, экономико-географы, регионалисты давно и активно изучают закономерности формирования городских агломераций, происходящие в них процессы. Но в широком экспертном сообществе, как показывает обсуждение СПР, далеко не всегда есть понимание различий между городом в его официальных границах и городской агломерацией. Нередко в ходе дискуссий говорится, что люди предпочитают жить в малых/средних городах и даже сельских населенных пунктах, а отнюдь не в крупных городах. Однако реальная привлекательность таких небольших поселений сильно зависит от их географического положения: одно дело ближний пригород, откуда есть возможность ежедневных поездок в город на работу (сельские населенные пункты на Рублевском шоссе в Подмосковье формально Москвой не являются), и совершенно другое дело — городок или село на периферии, где занятость возможна только по месту жительства или же в форме отходничества [Между домом..., 2016].

Похоже, что нередко происходит подмена понятий — стремление граждан жить в частном доме со всеми преимуществами его местоположения, но работать при этом в круп-

¹ В статистическом сборнике по городам [Регионы России..., 2016] Росстат пытается приводить данные по городским округам и собственно городам, но это скорее снижает качество статистики, поскольку часть данных публикуется по городам, другая часть — по городским округам (данные и по тем, и по другим ограничиваются численностью населения).

ном городе расценивается как стремление жить вне крупной городской агломерации. Как показывают социологические опросы [Дом, милый дом..., 2017], жить в частных домах хотели бы две трети граждан — 66%, тогда как фактически в своих домах проживают вдвое меньше — 34%. При этом стремление жить в частном доме характерно для жителей всех типов домов (многоквартирных и других). Но одновременно, по социологическим опросам, Москва считается городом возможностей, связанных с учебой (56% опрошенных ответили, что в столице больше шансов получить хорошее образование, чем в других регионах страны), работой (52%) и материальным благополучием (50%). При этом, конечно, респонденты признают, что за пределами Москвы, в других городах и регионах России, по целому ряду параметров комфортность жизни выше, например, заметно больше возможностей жить в условиях личной безопасности и благоприятных экологических условиях, решить проблемы с жильем [Москва — город возможностей..., 2017].

Формирование статистических данных по городским агломерациям является непростой, но вполне решаемой задачей, за рубежом есть такой опыт. Например, в США собираются и публикуются данные по метрополитенским статистическим ареалам. Такие ареалы должны иметь в своем составе как минимум по одному ядру – урбанизированному ареалу с численностью населения в 50 тыс. жителей и более, а также прилегающую территорию, характеризующуюся высоким уровнем социальной и экономической интеграции с ядром (измеряемой интенсивностью и направленностью трудовых поездок) [Темиргалеев, 2014]. И хотя система метрополитенских статистических ареалов тоже небезупречна [там же], это все равно лучше, чем полное отсутствие оценок ситуаций в городских агломерациях.

Другой вариант решения задачи демонстрирует Германия, где о городских агломерациях как таковых речь не идет, но уровень урбанизации оценивается по численности населения, проживающего в муниципалитетах с разной плотностью населения, что тоже показывает распределение населения в пространстве, а не по отдельным населенным пунктам [Кузнецова, 2018]:

- с высокой плотностью (густозаселенные) – большие/крупные города или территории вблизи них, в которых по меньшей мере 50% населения живет в густонаселенных кластерах;

- со средней плотностью – города меньшего размера (малые, средние), пригороды, где менее 50% населения живет в сельских ячейках сетки и менее 50% населения живет в густонаселенных кластерах;

- с низкой плотностью (малонаселенные) – сельские территории, где более 50% населения живет в сельских ячейках сетки.

Важно отметить, что в ходе подготовки СПР была проведена работа по делимитации агломераций, однако пока даже не поднимается вопрос о том, чтобы официально определить границы агломераций для целей статистического учета (или использовать подход, аналогичный германскому), а это необходимо для понимания реальной ситуации с системой расселения в России.

Факторы привлекательности крупнейших городов для мигрантов

Один из важнейших аргументов, выдвигаемых против выбора крупнейших городских агломераций и тем более городов, — наличие у них не только преимуществ для развития экономики и проживания граждан, но и не менее серьезных проблем. О проблемах, преимуществах и недостатках проживания в населенных пунктах разных типов, конеч-

но же, немало говорится в научных исследованиях [Между домом..., 2016; Человек в мегаполисе..., 2018], уже упоминавшихся социологических опросах.

Так, например, многообразие рабочих мест оборачивается их транспортной удаленностью для большинства жителей, необходимостью тратить больше времени на дорогу от дома до работы и обратно. Высокий средний уровень доходов населения сопровождается высоким уровнем социального расслоения – из-за объективно существующего спроса на низкоквалифицированный и, как результат, низкооплачиваемый труд, из-за меньшей покупательной способности бюджетных выплат при высокой стоимости жизни. Хотя некоторые проблемы могут быть и преувеличенными, к примеру, экологическая ситуация в крупнейших городах далеко не всегда оказывается самой худшей¹: существующий сдвиг в сторону сферы услуг и высокотехнологичной промышленности обуславливает снижение уровня промышленного загрязнения, высокий уровень бюджетных доходов и относительное благополучие выживающих в крупнейших городах предприятий способствует внедрению экологически чистых технологий. Как показывают исследования, даже несмотря на высокий уровень атмосферного загрязнения транспортом, наибольший уровень воздействия на атмосферу характерен для городов с населением 0,5–1 млн человек с угольной энергетикой и (или) утяжеленной структурой промышленности, малых городов, где размещены ГРЭС, моногородов с экологически «грязными» производствами [Битюкова, 2015].

В этой связи возникают неизбежные вопросы о том, какие стороны жизни в крупнейшем городе – положительные или отрицательные – являются более значимыми, какие из них поддерживают миграционный приток в столичные регионы. В отношении факторов миграции вполне однозначный ответ в отношении мотивов граждан, побудивших их сменить место жительства, дают исследования Института социологии РАН (табл. 1). Из приведенных данных совершенно очевидно следует, что основной фактор внутрироссийской миграции — это стремление найти хорошую работу, причем значимость этого фактора за 15 лет выросла, в том числе для жителей Санкт-Петербурга.

Таблица 1. Цели внутрироссийской миграции в 2003 и 2017 гг., % ответов

Типы населенных пунктов	Работа		Личные обстоятельства		Обучение		Другие
	2003	2017	2003	2017	2003	2017	2017
Москва	34	30	60	44	21	19	6
Санкт-Петербург	46	69	62	47	20	10	6
Центры субъектов РФ	57	56	58	50	18	28	1
Райцентры	55	67	53	46	30	25	1
Сельская местность	...	67	...	46	...	34	2

Источник: составлено по [Столицы и регионы..., 2018].

Наличие у людей мнения о том, что хорошую работу можно найти преимущественно в крупнейших городах, подтверждают данные других социологических опросов (табл.

¹ По данным уже указанного социологического опроса, Москва является наименее привлекательной именно с точки зрения экологической обстановки: 78% опрошенных сказали, что в других регионах страны соответствующие условия лучше, и только 4% опрошенных – что такие условия лучше в Москве (остальные ответы – равные условия или затруднились ответить) [Москва – город возможностей..., 2017].

2). Москва и Санкт-Петербург являются очевидными лидерами среди городов, которые называются лучшими для карьеры; из городов, не являющихся миллионниками, выделяется только Тюмень – центр нефтегазодобывающего региона (Краснодар осенью 2018 г. уже признан миллионником [Краснодар – миллионер..., 2018]).

Таблица 2. Доля опрошенных, положительно ответивших на вопрос «Считаете ли вы свой город лучшим городом для вашей карьеры?», %

Доля ответов, %	Города с населением от 1 млн	Города с населением от 500 тыс.
	человек	человек
Более 60%	Москва (74%), Санкт-Петербург (72%)	Тюмень (66%)
55–59%	Екатеринбург (59%), Казань (55%)	Краснодар (57%)
45–49%	Уфа (49%), Нижний Новгород (48%), Новосибирск (48%), Ростов-на-Дону (46%), Красноярск (46%), Самара (45%)	Иркутск (45%)
39–43%	Пермь (42%), Воронеж (41%), Челябинск (40%)	Ярославль (43%), Хабаровск (41%), Владивосток (41%), Рязань (39%)
34–35%	–	Ижевск (35%), Набережные Челны (34%)
25–31%	–	Барнаул, Кемерово, Махачкала, Пенза, Томск (все по 31%), Оренбург (29%), Астрахань (27%), Липецк (25%), Ульяновск (25%)
20–25%	–	Саратов (23%), Киров (20%), Новокузнецк (20%)
Менее 20%	Волгоград (18%), Омск (16%)	Тольятти (16%)

Примечания. Опрос проводился 1–10 октября 2018 г.; исследуемая совокупность – экономически активное население городов старше 18 лет; размер выборки – по 1500 респондентов из Москвы и Санкт-Петербурга, по 900 респондентов из других городов. Источник: составлено по данным Исследовательского центра портала *Superjob.ru* [Строить карьеру..., 2018].

Вместе с тем доминирование ответов о работе как основном мотиве принятого решения о миграции все же оставляет без ответа важный с управленческой точки зрения вопрос о том, можно ли уменьшить миграцию в столицы, поскольку остается неясным принципиальный момент: едут ли граждане за работой, которой в принципе не может быть за пределами федеральной или хотя бы региональной столицы (например, люди хотят реализовать себя в федеральном министерстве, у них амбиции работы в лучших или наиболее известных столичных вузах, клиниках, театрах), либо же дело исключительно в более высокой оплате труда или, того хуже, просто в отсутствии рабочих мест. Если доминирующим является первый мотив, то возможности сдерживания роста крупнейших агломераций оказываются крайне ограниченными, если второй – то вполне реально сократить миграционный приток в столицы, создавая «нормальные» рабочие места на периферии.

Исследования, конечно, показывают, что работа — не единственный фактор миграции, но это очевидно прежде всего в отношении малых городов, где объективно крайне ограничены возможности получения профессионального образования (особенно

высшего), где явно существуют проблемы с обеспечением досуга жителей (они отчасти преодолеваемы, но большого разнообразия досуга объективно тоже быть не может)¹. Однако гораздо важнее понять, почему люди уезжают из средних и больших городов, из региональных столиц в федеральные (Москву и Санкт-Петербург). По всей видимости, для федеральных и региональных властей важны были бы социологические опросы, которые давали бы ответы на вопросы не о том, что заставило людей сменить место жительства, а о том, что остановило бы отъезд в более крупный город.

Если же обратиться к вопросу о том, что перевешивает — положительные или отрицательные стороны жизни в крупнейших городах, то в конечном итоге ответ дают данные о продолжительности жизни в них. По показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении, по данным Росстата, в лидеры попадают республики Северного Кавказа (что вряд ли сделает их привлекательными для мигрантов в силу вполне понятных причин), а также Москва (2-е место в 2017 г. с показателем 77,87 года) и Санкт-Петербург (7-е место с показателем 75,45 года)². Значит, плохая экология и другие существующие в крупнейших городах проблемы оказываются менее значимыми по сравнению с теми возможностями, которые дают такие города, что и поддерживает миграционный приток в них.

Причины трансформации системы расселения

Итак, привлекательность для населения крупнейших городов (точнее, городских агломераций), в первую очередь Москвы, связана прежде всего с возможностью найти хорошую работу. Однако это не снимает вопроса о том, является ли такое преимущество объективным или же это негативный результат несовершенства системы государственного управления в стране. В экономическое развитие Москвы, конечно, вносят определенный вклад чрезмерная централизация властных полномочий и концентрация в столице финансовых ресурсов, определяемая особенностями российского законодательства, в том числе в налоговой сфере [Зубаревич, 2018].

Вместе с тем продолжающаяся концентрация населения в городах-миллионниках и их агломерациях является общемировым трендом [Человек в мегаполисе..., 2018], характерным не только для развивающихся, но и экономически развитых стран, например для Германии, где уже больше десятка лет возрастает роль крупнейших городов. При этом Германия отличается и активной региональной политикой федеральных властей (целью которой на уровне основного закона страны обозначено обеспечение равноценных условий жизни на всей территории страны), и целенаправленной политикой децентрализованного размещения федеральных органов власти. Значит, есть объективные преимущества ускоренного социально-экономического развития крупнейших городов, становящихся точками роста в силу целого ряда факторов, ключевым из которых на современном этапе развития экономики являются наилучшие условия для инновационного развития [Кузнецова, 2018].

¹ Эти особенности были выявлены в ходе исследовательского проекта, выполненного в Институте социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2015 г. [Мкртчян, 2017; Флоринская, 2017].

² Средний по России показатель ожидаемой продолжительности жизни всего населения в 2017 г. составил 72,70 года, мужчин — 67,51 года, женщин — 77,64 года. По ожидаемой продолжительности жизни мужчин Москва и Санкт-Петербург занимали 3-е и 7-е места соответственно с показателями в 74,39 и 70,94 года; по продолжительности жизни женщин — 2-е и 7-е места соответственно: 81,11 и 79,35 года. Лидирующие позиции во всех случаях у республик Северного Кавказа [Регионы России..., 2018].

В такой ситуации одной из актуальных задач становится поиск ответа на вопрос, какая система расселения является оптимальной на современном этапе развития России. В ходе обсуждения СПР стало ясно, что для многих экспертов необходимость сохранения сложившейся системы расселения — это аксиома. Однако система расселения не может не меняться в ходе развития экономики и общества. Происходящие изменения в структуре экономики, появление новых видов экономической активности, рост производительности труда в традиционных отраслях экономики не могут не приводить к изменению соотношения численности населения разных типов населенных пунктов. Более того, такие же последствия может иметь и развитие социальной сферы. Например, появившаяся высокотехнологичная медицинская помощь априори не может быть размещена по территории страны столь же равномерно, как простые медицинские услуги.

Важным примером является сельское хозяйство, где один из аргументов в пользу сохранения сложившейся системы расселения был связан с необходимостью обеспечивать продовольственную безопасность страны. Однако исследования показывают, что в последние годы в России происходило формирование агрохолдингов с лучшим техническим вооружением по сравнению с прежними сельскохозяйственными предприятиями. В результате увеличилась производительность труда, выросла и оплата труда в сельском хозяйстве, однако число рабочих мест сократилось, появились излишки сельского населения во многих районах [Нефедова, 2017].

Другое дело, что, как и в случае особой концентрации населения и экономической активности в Москве, дефицит рабочих мест в сельской местности связан не только с объективными факторами (включая рост производительности труда), но и проблемами системы управления: неблагоприятными институциональными условиями для развития малого и среднего бизнеса в сельской местности, чрезмерно централизованной бюджетной политикой, лишаящей возможности власти на местах вкладывать необходимые средства в социально-экономическое развитие [Нефедова, 2018].

Поэтому, на наш взгляд, не имеет смысла ставить задачу консервации сложившейся системы расселения — она должна меняться вместе с изменениями в экономике и обществе. Искусственное поддержание экономики тех или иных населенных пунктов оправданно только в том случае, если оно способствует решению других, не экономических задач: это оптимальный на сегодняшний день способ решения социальных проблем (обеспечения достойных условий жизни для всего населения страны) или геостратегическая необходимость. Но, конечно, не должно быть и искусственных препятствий для развития разных типов населенных пунктов.

Заключение

Обобщая сказанное выше, актуальными для федеральных органов власти задачами в сфере пространственного развития, связанными в том числе с системой расселения, на наш взгляд, являются следующие:

- кардинальное повышение прозрачности территориальной структуры расходов федерального и региональных бюджетов, позволяющее получить представление о складывающемся распределении средств по территории страны;
- формирование системы статистического учета данных в разрезе городских агломераций;
- выявление (с помощью социологических опросов) мотивов населения остаться в своих родных городах, в первую очередь отказаться от переезда из крупных и дру-

- гих крупнейших городов в столичный регион (с соответствующей последующей корректировкой политики пространственного развития);
- инициирование более широкого экспертного обсуждения перспектив трансформации системы расселения в стране (на наш взгляд, достаточно широкое экспертное обсуждение проекта СПР не состоялось), которое позволило бы корректнее оценить объективные факторы такой трансформации и факторы, связанные с несовершенством системы государственного управления.

Библиография

- База данных показателей муниципальных образований // Росстат. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 25.12.2018).
- Битюкова В. Р. 2015. Экологический рейтинг городов России. Экология и промышленность России. 3: 34–39.
- Дом, милый дом: мечты и реальность. 11.08.2017 // ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3457> (дата обращения: 20.12.2018).
- Зубаревич Н. В. 2018. Экономические и бюджетные преимущества Москвы: как они формируются и используются? Старая и Новая Москва: тенденции и проблемы развития: сб. науч. ст. М.: Изд. ИП Матушкина И. И. С. 25–36.
- Климанов В. В., Еремина Д. А., Михайлова А. А. 2018. Анализ баланса финансовых потоков между центром и регионами РФ. ЭКО. 9: 51–62.
- Краснодар – миллионер: Краснодар стал 16-м городом-миллионником // Российская газета. 24.09.2018. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/09/24/reg-ufo/krasnodar-stal-16-m-gorodom-millionnikom.html> (дата обращения: 15.01.2019).
- Кузнецова О. В. 2018. Возрастающая роль городов-миллионеров: опыт Германии в контексте российских проблем. Федерализм. 4: 37–50.
- Кузнецова О. В. 2019. Проблемы выбора приоритетов пространственного развития. Вопросы экономики. 1: 146–147.
- Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. 2017. Мегалополисы и феномен мегалополисности в России. Регион: экономика и социология. 1 (93): 42–77.
- Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. 2016. Под ред. Т. Н. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф.
- Мкртчян Н. В. 2017. Миграция молодежи из малых городов России. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1: 225–242.
- Москва – город возможностей? 08.09.2017 // ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3577> (дата обращения: 20.12.2018).
- Нефедова Т. Г. 2017. Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия. Известия РАН. Серия географическая. 5: 7–18.
- Нефедова Т. Г. 2018. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России. Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 7: 1–12.
- Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. М.: Росстат.
- Регионы России. Социально-экономические показатели городов. 2016: Стат. сб. М.: Росстат.
- Список проведенных заседаний диспут-клуба «Узлы экономической политики» Ассоциации независимых центров экономического анализа. Режим доступа: <http://www.aret.ru/ru/disput> (дата обращения: 15.01.2019).
- Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. 2018. Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Весь Мир.

- Строить карьеру лучше всего в Москве, Санкт-Петербурге или Тюмени. 16.10.2018 // Исследовательский центр портала Superjob.ru. Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/112137/stroit-kareru-luchshe-vsego-v-moskve/> (дата обращения: 20.01.2019).
- Темиргалеев Р. Ф. 2014. Современные тенденции в рамках городских агломераций США. Региональные исследования. 3 (45): 100–107.
- Ткаченко А. А., Фомкина А. А. 2014. Агломерированное расселение: к проблеме идентификации и учета. Известия Русского географического общества. 146 (5): 48–56.
- Федеральный бюджет и регионы: опыт анализа финансовых потоков. 1999. М.: МАКС Пресс.
- Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 20.06.2014, первая и действующая редакции).
- Флоринская Ю. Ф. 2017. Выпускники школ из малых городов России: образовательные и миграционные стратегии. Проблемы прогнозирования. 1: 114–124.
- Человек в мегаполисе: опыт междисциплинарного исследования. 2018. Под ред. Б.А. Ревича и О.В. Кузнецовой. М.: ЛЕНАНД.

Об авторе

- **Кузнецова Ольга Владимировна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук. E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru